

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ имени ЯКУБА КОЛАСА

ВАРДОМАЦКИЙ Леонид Михайлович

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

10.02.01 — Русский язык

10.02.02 Языки народов СССР

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

(Диссертация написана на русском языке)

Навукова-
бібліографічны
аддзел

ВИТЕБСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДА-
ГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
С. М. КИРОВА
БИБЛИОТЕКА
МИНСК 1974

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ имени НКУБА КОЛАСА

ВАРДОМАЦИЙ

Леонид Михайлович

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

10.02.01 - Русский язык

10.02.02 - Языки народов СССР

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(Диссертация написана на русском языке)

Минск - 1974

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и современного русского языка Минского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им.А.М.Горького.

Научный руководитель -
член-корреспондент АН БССР доктор филологических наук
профессор Н.В.БИРИЛЛО

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук профессор В.В.КОЛЕСОВ;
кандидат филологических наук Н.П.ЛОБАН

Диссертация направлена для официального отзыва на кафедру русского языка Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им.В.И.Ленина.

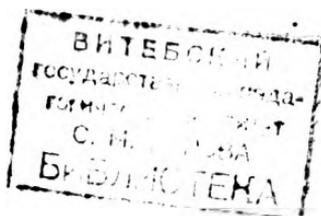
Автореферат разослан " ____ " апреля 1974 г.

Защита диссертации состоится " ____ " мая 1974 г. в 14 часов на заседании Объединенного ученого совета Института языкознания им.Я.Коласа и Института литературы им.Я.Купалы АН БССР (Минск, Ленинский проспект, 66, комн.413).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке им.Якуба Коласа АН БССР.

Ученый секретарь Совета

Г.А.ЩУН (Г.А.ЩУН)

Акцентология до последнего времени остается одним из наименее изученных и упорядоченных разделов науки о языке. Такое положение все еще сохраняется, вероятно, потому, что несмотря на значительные достижения современной акцентологии, еще не найден общий универсальный принцип, в соответствии с которым можно было бы объединить всю лексику языка в тождественные по месту ударения в слове группы; недостаточно изучены и обобщены особенности ударения различных категорий лексики; не выявлены закономерности акцентуации максимально широких групп слов.

В настоящее время изучение ударения в восточнославянских языках ведется по нескольким направлениям: а) исследование его акустической природы, б) описание функций ударения в языке, в) изучение истории и развития акцентных систем одного языка или группы родственных языков, г) поиски оптимальных путей объединения всей лексики литературного языка в акцентуационно тождественные группы с целью выработки общих правил постановки в них ударения. Именно этот последний вопрос современной акцентологии наиболее труден и менее других близок к решению, несмотря на то, что попытки решить его делались еще такими крупными учеными-лингвистами прошлого века, как А.Х.Востоков, Г.П.Павский, Н.И.Греч, Л.К.Грот и мн. др.

Особенности ударения отдельных грамматических разрядов лексики в каждом из восточнославянских языков в настоящее время более или менее изучены. Наиболее разработанной на данном этапе является акцентология русского языка. А.А.Зализняк, В.А.Редькин предложили интересные решения деления всей лексики на несколько акцентных типов (классов) в зависимости от того, на какой из двух компонентов слова (основа - окончание) падает ударение¹. Такой подход дает возможность установить состав акцентных схем

---

¹ См.: Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Редькин В.А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

языка, степень подвижности и направление акцентной подвижности в языке и т.д., то есть сделан серьезный практический шаг к систематизации русского ударения. Развитие типов русского ударения довольно полно прослежено в специальном исследовании Т.Г.Хаззагера. Отдельным вопросам русской акцентологии, особенностям ударения небольших групп слов посвящены работы А.А.Данилова, Н.К. Пироговой, В.Л.Воронцовой, А.В.Суперанской, А.Афанасьевой, Т.М. Николаевой и др. Поисками закономерностей русского ударения в методических целях занимается многие ученые за рубежом: М.Олехнович в Польше, Н.Дилевский и Р.Георгиева в Болгарии, Ф.Акопин в Югославии. Большой "Справочник по склонению русских существительных мужского рода" с подробным анализом ударения в приведенных словах создан коллективом ученых под ред.З.Копецкого в Праге.

Значительных успехов достигла современная украинская акцентология. Ее развитие связано с именами таких известных советских ученых, как Л.А.Булаховский, З.М.Веселовская, А.П.Билоштан, В.Г.Склярченко и др. Опубликованы два больших нормативных словаря украинского ударения: "Словник наголосів" М.Погребного и "Українська літературна вимова і наголос" под ред. М.А.Жовтوبرуха.

Белорусская акцентная система, как справедливо отмечал Л.А. Булаховский, еще ждет своего исследователя. Впервые общую характеристику белорусскому ударению дал Е.Ф.Карский. В 50-60 гг. и в последнее время появилось несколько работ, раскрывающих особенности ударения отдельных классов белорусской лексики. Наиболее значительные из них - исследование Н.П.Лобана "Націск назоўнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове" (канд. дисс., Минск, 1953) и Е.М.Ивашутич "Націск дзеяслова ў сучаснай беларускай літаратурнай мове" (канд. дисс., Минск, 1971). Интересны также наблюдения Е.М.Романович и А.И.Чеберук над ударением в некоторых белорусских говорах.

В силу известных исторических причин основной пласт современной восточнославянской лексики составляет общие для русского, белорусского и украинского языков слова. Ударение в этих языках также характеризуется одними и теми же признаками как в отношении акустических свойств, так и положением в слове (свободно, подвижно и т.д.). Это положение в настоящее время не вызывает сомнения. Однако достаточно даже поверхностного взгляда на акцентуацию в названных родственных языках, чтобы убедиться, что наряду с общи-

ми закономерностями постановки ударения, в русском, украинском и белорусском языках часто наблюдаются и значительные расхождения в акцентуации даже одних и тех же групп лексики и отдельных обших для трех языков слов.

Сравнительное изучение особенностей ударения современных восточнославянских языков — новое и неразработанное направление в современной акцентологии. Вопрос исследовании обших и индивидуальных свойств акцентуации в русском, белорусском и украинском языках в лингвистической литературе еще не поднимался. Реферируемая диссертация посвящена одному фрагменту широкой и сложной проблемы изучения особенностей ударения всей современной общевосточнославянской лексики в целом — ударению в общевосточнославянских существительных. Эта часть лексики в каждом языке отдельно с точки зрения современной акцентологии сейчас изучена лучше других. Поэтому на данном этапе своевременным является вопрос: как соотносятся между собой акцентные схемы одних и тех же лексических единиц в трех родственных языках? Иначе, — для дальнейшей успешной работы над расшифровкой акцентных систем русского, белорусского и украинского языков представляется необходимым установить, в чем общность и как проявляются индивидуальные для каждого языка черты в акцентуации общевосточнославянской лексики.

Основываясь на сказанном, сформулированы следующие конкретные задачи исследования:

1. Определить особенности ударения общевосточнославянских существительных и условия, в которых эти особенности проявляются наиболее отчетливо.

2. Проследить ударение в парадигмах тех же слов в каждом из восточнославянских языков.

3. Описать закономерности ударения, общие для трех современных восточнославянских языков, двух и каждого языка в отдельности.

Кроме этого, в реферируемой работе делается попытка проследить, по возможности, историю становления указанных акцентуационных различий, а также взаимосвязь литературных и диалектных систем ударения в каждом языке.

Основной материал для исследования извлекался из следующих

нормативных источников: Ф.Л.Агеенко, М.В.Зарва. Словарь ударений для работников радио и телевидения (М., 1967); Русское литературное произношение и ударение. Ред. Р.И.Аванесов и С.И.Ожегов (М., 1959); Трудности словоупотребления и варианты нормы русского литературного языка. Ред. И.С.Горбачевич (Л., 1973); М.Г.Погрбоний. Словник наголосів (Київ, 1964); Українська літературна вимова і наголос. Гл. ред. М.А.Жовтобрюх (Київ, 1973); р.М.Янкоўскі. Беларускае літаратурнае вымаўленне (Мінск, 1970); Белорусско-русский словарь. Ред. К.К.Крапива (М., 1962); Русско-украинский словарь. Гл. ред. М.А.Калинович (Киев, 1962); Українсько-російський словник в 6 томах. Гл. ред. И.Н.Кириченко (Киев, 1953-1963). Кроме этого, в целях сравнения современных литературных и диалектных, современных литературных и старых, архаических схем ударения одних и тех же существительных в восточнославянских языках проработано около 25 различных словарей и словариков, в большей или меньшей степени характеризующих ударение анализируемых существительных в различные исторические эпохи (75% из них современные диалектные словари). Значительная часть примеров извлечена также из соответствующих исследований русских и советских лингвистов - историков языка, диалектологов, акцентологов А.Х.Востокова, И.Шарловского, А.И.Ельсина, А.Быстрова, И.Синякова, В.И.Чернышева, И.И.Огиенки, А.И.Селищева, Б.А.Ларина, Л.А.Булаховского, З.Н.Веселовской, В.В.Колесона, П.А.Расторгуева, А.Афанасьевой, А.А.Редоровой и мн. др.

В связи с тем, что данная проблема еще не освещалась в лингвистической литературе, во введении к диссертации, кроме обоснования темы, излагаются некоторые основные принципы, положенные в основу сравнительного описания акцентуации общих для русского, белорусского и украинского языков существительных.

1. При сопоставительном изучении акцентуации существительных исследуемый материал прежде всего делится на подгруппы по признакам грамматического рода. Слова, относящиеся к разным категориям грамматического рода, часто заметно различаются и в области акцентуации.

2. Производные и непроизводные существительные часто имеют тождественные схемы ударения. Но это тождество иногда может быть случайным и выявляется уже при сопоставлении исследованных акцентных схем. А на первичном этапе изучения особенностей ударения

общевосточнославянских существительных мы не видим другого пути исследования, кроме описания места ударения в словах категориями морфологическими.^I

3. Ударение в одном и том же слове в разных языках может различаться не только тем, что падает на разные морфемы (русск. открытие – белор. адкрыццё), но и тем, что падает на разные слоги одной и той же морфемы (русск. перепись – укр. перепис). В силу этого принцип различения конечного и неконечного ударения, выдвигаемый некоторыми современными акцентологами, при решении поставленной задачи неприменим. Наиболее удачным в данном случае является принцип выделения непосредственно ударного, определённого с начала слова слога в зависимости от морфологических особенностей слова.

4. Для получения глубокого и полного вывода необходимо сопоставление не только ударения начальных форм слов, но и акцентуационных парадигм анализируемых существительных. Однако в целях сохранения методологической целостности исследования в реферируемой работе И.п.ед.ч. условно принят за исходную форму описания ударения в парадигмах слов.

5. Сопоставление только литературных акцентных систем русского, белорусского и украинского языков не даёт полного представления об особенностях ударения в каждом языке в отдельности. Для решения этого вопроса необходимо привлечение примеров памятников письменности, фактов других родственных языков, диалектного материала. Только такое широкое сопоставление может относительно полно выявить истоки и пути развития акцентуационных различий, установившихся ныне в восточнославянских языках. Особенно широко в диссертации привлекается белорусский диалектный материал, что объясняется недостаточной разработкой современной белорусской литературной акцентологии.

6. Наблюдения показывают, что многие давно заимствованные (в основном из польского или через польский) слова полностью подчинились не только закономерностям русской, белорусской и украинской фоне-

---

^I Следует отметить, что некоторые учёные отказываются от деления существительных на производные и непроизводные при анализе ударения. См., например, Зализняк А.А. Ударение в современном русском склонении. – РЯШ, 1963, № 2.

тики и грамматики, но и акцентологии. Вследствие этого они рассматриваются в системе общего анализа акцентуации общевосточнославянской лексики.

Весь собранный материал для анализа группируется по принципу совпадения-различия слов по месту ударения в И.п.ед.ч. Такой принцип группировки оправдан следующей статистикой, полученной в процессе исследования. Если общевосточнославянские существительные в И.п.ед.ч. по ударению в трех или каких-либо двух языках совпадают, то в 87% случаев они будут совпадать и во всех косвенных словоформах. В свою очередь несовпадение слов по месту ударения в И.п.ед.ч. обычно означает, что и в косвенных падежах эти же слова по месту ударения совпадать не будут. В общем существительные с непересекающимися акцентными кривыми составляют 82,5% всех расходящихся по месту ударения в И.п.ед.ч. существительных, независимо от того, обладают они подвижными или неподвижными акцентными схемами.

В зависимости от места ударения в И.п.ед.ч. все общевосточнославянские существительные делятся на несколько групп: а) существительные с совпадением ударения в русском, белорусском и украинском языках; б) с совпадением ударения в русском и белорусском языках и отличающимся в украинском; в) с совпадением ударения в русском и украинском и отличающимся в белорусском; г) с совпадением в белорусском и украинском языках и отличающимся в русском. Кроме этого, в отдельные группы выделены общевосточнославянские существительные, имеющие некоторые морфологические различия в трех языках (в диссертации – существительные с нетождественными структурами), и существительные, общие не для трех, а для каких-либо двух современных восточнославянских литературных языков. Таким образом, получено шесть групп существительных, анализируемых соответственно в шести разделах диссертации.

Р а з д е л I. Существительные с совпадающим в И.п.ед.ч. местом ударения в трех языках.

Из числа общей для трех языков лексики существительные с совпадением ударения в начальных формах слов во всех языках составляют наибольшую группу. В нее входят слова, различные по морфологическому составу, количеству слогов, происхождению, отношению к грамматическим категориям рода и числа и т.д. Пр.,

например, в русск. аванс, багор, берег, вдовец, гараж, закон, огонь, меньшевик, баба, битва, верность, вечность, борода, глубина, битье, питье, ведро, море; в белор. аванс, багор, бераг, удавец, гараж, закон, агонь, меньшавік, баба, бітва, вернасць, вечнасць, барада, глыбіня, біццё, піццё, відро, мора; в укр. аванс, багор, берег, вдівець, гараж, закон, огонь, меньшовик, баба, битва, вірність, вічність, борода, глибина, биття, пиття, відро, море и мн. др.

Первой заметной отличительной особенностью лексики анализируемой группы является наличие в ней значительного количества заимствованных лексем. Меньшую группу здесь составляет слова исконно славянские, сохранившие более древние типы ударения. Это б́ерег, венец, о́браз, о́гонь, бе́ре́за, борода, варенье и некоторые другие. Причем одни из таких слов в фонетическом отношении в трех языках очень близки, в других наблюдаются явные фонетические расхождения. Ср. русск. о́гонь, о́браз, винтовка, о́брез, сборник, вдова, льдина; белор. а́гонь, вобраз, абрэз, зборнік, удава, Ільдзіна и укр. [в]о́гонь, гвинтíвка, о́брíз, збóрник, льодина. Наблюдения показывают, что ни одна из фонетических особенностей, которыми характеризуются приведенные и подобные слова, сама по себе обычно не влияет на место ударения в существительных любого восточнославянского языка.

Среди существительных мужского рода большинство слов в парадигме имеют совпадающие акцентные кривые, т.е. в русском, белорусском и украинском языках во всех словоформах место ударения совпадает. Двухсложные существительные с ударением на первом слоге в И.п.ед.ч. сохраняют это же место ударения и в косвенных падежах. Но такие существительные в интересующей нас группе общевосточнославянской лексики составляют незначительное количество (около 13%). Большую часть здесь составляют слова с ударением на втором слоге в И.п.ед.ч. Последние в свою очередь делятся на слова с постоянным ударением на втором слоге (а́ббат, а́бзац, а́ванс, бандит, о́брез. В белор. и укр., как в русск.) и слова, переносящие в косвенных падежах ударение на флексию (русск. гараж, -а; горняк, -а; рыбак, -а. Так же в белорусском и украинском). Причем интересно, что существительные первой группы представляются нам как бессуффиксные, а второй — преимущественно как суффиксальные.

Третий тип ударения существительных мужского рода в анализи-

руемой группе лексики - в единственном числе в трех языках ударение на первом слоге, во множественном - на третьем: русск. берег, -а (но на берегу); город -а; голос, -а; холод, -а; здесь же вечер, -а. (В укр., как в русском, в белор. бераг, -І; горад, -ы; голас, -ы; вечар, -ы)^І.

Принцип акцентуации трех- и более сложных слов существенных отличий от двухсложных не имеет. Здесь наблюдаются те же закономерности ударения, что и в соответствующих двухсложных существительных: а) в косвенных падежах сохраняется место ударения начальной формы: абажур, агроном, автобус, бетонщик (с неударяемым суффиксом), леденец (с беглым гласным); б) ударение переходит на флексия, если в И.п.ед.ч. под ударением суффикс: меньшевик, -а; грузовик -а; лесовик -а и под.

Общевосточнославянские существительные женского рода не представляют такой сравнительно однородной для трех языков акцентуационной картины. Совпадая по месту ударения в И.п.ед.ч., в косвенных падежах одни и те же существительные в русском, белорусском и украинском языках иногда по ударению различаются. Это касается прежде всего существительных типа беда, вдова, полоса и под., которые в русском и украинском языках (но не в одинаковой степени последовательно) в В.п.ед.ч. переносят ударение на первый слог. В белорусском все подобные двухсложные существительные - с неподвижной акцентной схемой. (В существительных с полногласиями ударение подвижно и в белорусском языке, но и в этом случае с русским не совпадает. Ср.: русск. полоса - полосы (И.мн.) и белор. паласа - палосы.)

Существительные с ударением на первом слоге в И.п.ед.ч., - баба, банда, битва, лодка, - а также на -ость (белор. - асьць, укр. - Ість) - вечность, верность - в каждом языке имеют неподвижные акцентные схемы.

Все сказанное, однако, характеризует ударение данных существительных в современных восточнославянских литературных языках. Между тем, в юго-западных белорусских говорах (не граничащих с

^І В диссертации даны графические схемы, наглядно показывающие соотношение акцентных кривых анализируемых существительных в трех языках. В автореферате эти схемы по техническим причинам опущены.

русскими) двухсложные существительные женского рода на -а в В.п. ед.ч. переносят ударение на первый слог. Больше того, иногда ударение переносится на первый слог и в И.п. ед.ч. (зима, роза). А в некоторых русских говорах наоборот, анализируемые существительные акцентируются тождественно белорусским литературным вариантам (С.П.Обнорский, В.В.Юлесов, А.С.Афанасьева). В русском литературном языке в акцентуации рассматриваемых существительных иногда наблюдается противоречия. Так, нормативные словари ударения рекомендуют существительные типа борода, борона в В.п. ед.ч. произносить с ударением на первом слоге, а борозда - на последнем.¹ Но с точки зрения современного русского языка такое различие необъяснимо. Тем более, что около 51,6 % анкетированных акцентируют эти существительные тождественно.

Общевосточнославянские существительные среднего рода не выявляют каких-либо отличающихся от уже отмеченных схем ударения. Немногочисленная группа двухсложных отглагольных на -'о белор. -'о, укр. -'а (типа питьё, пiннё, пиття) имеют акцентные парадигмы, как и двухсложные существительные мужского рода с неподвижным ударением на втором слоге. Существительные на -о (типа окно, ведро) акцентируются, как беда, вдова.

В целом результаты анализа ударения в группе общевосточнославянских существительных с общим в И.п. ед.ч. местом ударения в трёх языках свидетельствуют о том, что наиболее унифицированы для данных вариантов акцентные схемы белорусского литературного языка. В русском и украинском языках процесс формирования универсальных акцентных схем сегодня ещё очень активен и не близок к завершению, но наличие и направление его очевидны.

Вся анализируемая группа отличается относительным однообразием акцентных схем, которые при обобщении получают два основных вида: 1/ линейность: а) для всех словоформ; б) для всех, начиная с Р.п. ед.ч. Это существительные мужского рода, а также существительные среднего рода, употребляемые только в единственном числе; 2/ противопоставление словоформ единственного числа словоформам множественного. Сюда относятся существительные женского рода и исчисляемые существительные среднего рода.

Слова с неподвижным ударением в русском, белорусском и ук-

¹ См.: Ф.Л.Агеенко, М.В.Зарва. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1971.

раинском языках в данной группе составляют соответственно 85,5%, 86,6%, 84,4%. Причем акцентная подвижность в разных языках характерна в основном одним и тем же существительным.

Р а з д е л 2. Существительные с общим в И.п.ед.ч. местом ударения в русском и белорусском языках и отличающимся в украинском.

Анализируемая группа объединяет в основном существительные, образованные на собственно восточнославянской территории. Лексических заимствований здесь почти нет. В словообразовательном отношении данная группа (всего около 70 слов) относительно однообразна: 70% из них - производные префиксальные. Исследования показывают, что наименьшей устойчивостью ударения здесь обладают примеры украинского языка. Обычно сохраняя место ударения восточнославянских говоров, украинский язык вынуждает и свои индивидуальные черты акцентуации общевосточнославянских существительных. Одной из таких основных черт является перенос ударения на приставку в двухсложных отглагольных префиксальных существительных мужского рода, в которых в русском и белорусском языках ударение на втором слоге (на корне). Ср. укр. наспів, призов, обстріл, розбіг, розділ, розстріл; русск. напев, призів, обстріл, разбег, раздел, расстрел; в белор., как и в русск. В парадигме анализируемые существительные не отличаются последовательностью противопоставления акцентных схем русского - белорусского и украинского вариантов. В первых двух языках все подобные существительные имеют неподвижное постоянное ударение на втором слоге. В украинском языке те же существительные составляют три акцентных группы: а) большая часть из них имеет неподвижное ударение на первом слоге; б) существительные розбіг, розміг, розріз имеют по два равнозначных акцентных варианта с ударением на первом или втором слоге; в) в слове розвід вариантность наблюдается только в И.-В.п.п. ед.ч., а в остальных падежах ударение совпадает с русским и белорусским.

Эта же закономерность - переносить место ударения в слове на один слог влево в сравнении с русскими и белорусскими вариантами - наблюдается и во многих производных существительных типа олень, столяр, циган, щиголь (русск. олень, столяр, циган, щегол). Варианты ударения типа столяр (как и пекарь, слесарь) Л.А.Булаховский считал полонизмами¹. Но широкая распространен-

¹ См.: Вопросы славянского языкознания, кн.4. Львов, 1955, стр.20.

ность такого типа ударения в восточнославянских говорах позволяет предположить, что он мог возникнуть и на собственно восточнославянской территории. Так, в белорусских говорах встречаем, например: столя́р, ца́ган, ку́лик, цаве́ль, тво́рог. В белорусских говорах различная постановка ударения иногда определяет значения слов: ца́ган (принадлежность к народности) и циган (попрошайка). Для большинства русских говоров и литературного русского языка второй пол. XIX в. А.И.Ельсин отмечает только вариант с ударением на втором слоге. Такое разделение типов ударения "севернорусского" и "украинского" произошло сравнительно давно. Уже в первых московских и украинских изданиях грамматики Смотрицкого (1619 г.) И.И.Огиенко отмечает последовательность различения "местного" ударения в одних и тех же существительных: поко́й и по́кой, е́лень и е́лень, зако́н и за́кон и др.¹.

Отмеченная акцентуационная особенность в полной мере свойственна и украинским существительным женского рода (как приставочным, так и производным). Ср. укр. спина́, ске́ля, за́кладка, за́кріпка, нахі́дка, покри́шка и русск. спина́, ска́ла, за́кладка, за́крепка, находи́тка, покри́шка. (В белор., как в русск.). Только в парадигме, в отличие от существительных мужского рода, перечисленные и подобные украинские лексемы имеют одну акцентную схему - неподвижное ударение на первом слоге, противопоставленное неподвижному ударению на втором слоге в русском и белорусском языках.

Интересную особенность в анализируемой группе представляет акцентуация общевосточнославянских существительных на -ник (русск., белор. рабо́тник, садо́вник, укр. робі́тник, сади́вник). В белорусском языке существительные на -ник со значением лица имеют то же место ударения, что и соответствующие прилагательные: духоу́ны - духоу́нік, потны́ - потні́к, слоу́ны - слоу́нік. Аналогично и в садоу́нік, рабо́тнік. Исключительным в белорусском языке является вариант ударения типа падрыву́нік, вместо ожидаемого падрыву́нік.

В украинском и русском языках в подобных существительных ударение в И.п.ед.ч. на суффиксе, в косвенных падежах переходящее на флексию: духовни́к, потни́к (духі́вник, пі́тнік). Таким образом, в русском языке ударение на втором слоге в существитель-

¹ См.: Записки наукового товариства Ім.Шевченка, т.136-137. Львів, 1925, стр.212-216.

ных садовник, работник является исключением из общего правила акцентуации подобных слов.

Различаются по месту ударения в русском - белорусском и украинском языках некоторые сложные существительные типа рукопись, стенопись, клинопись, коновязь и примыкающие к ним общностью акцентуационного принципа перепись, перепись. (Белор. рукапіс, сцэнапіс, клінапіс, конавязь, перапіс, перакіс; укр. рукопис, стінопис, клінопис, конов'язь, перепіс, перекіс). В русском языке все подобные слова относятся к женскому роду, в белорусском и украинском к мужскому (кроме четвертого), между тем белорусские варианты по месту ударения отличаются от украинских, совпадая с русскими. Отсюда очевидно, что акцентуационное различие не является следствием различия грамматического рода существительных. Следует отметить, что противопоставление русского - белорусского и украинского типов ударения свойственно только перечисленным и подобным бессуффиксным основам. Суффиксальные производные от них характеризуются общностью места ударения в трёх языках: летопись и летописец в русск., летапіс и летапісец в белор., літопис и літописець в укр. В восточных говорах Белоруссии встречаем и третий вариант ударения в подобных словах - перепіс, может быть, по аналогии с целым рядом подобных: пералік, перапуск, перабор и т.д.

Р а з д е л 3. Существительные с общим местом ударения в русском и украинском языках и отличающимся в белорусском.

Названная группа общевосточнославянской лексики характеризуется большим семантическим и словообразовательным разнообразием, что создает практические трудности для ее классификации. Здесь мы почти не находим слов приставочного образования и подударных приставок, что являлось одним из важнейших признаков отличающихся по ударению от русских и белорусских вариантов украинских существительных. Как наиболее общие, в данной группе выделены следующие особенности ударения одних и тех же существительных в русском, белорусском и украинском языках.

Белорусские производные существительные более последовательно сохраняют место ударения производящих основ. Это в одинаковой мере свойственно существительным и мужского, и женского рода: валцы (вал), празорі[вец] (празор[івн]), ліжня (ліжн), маладосць

(малады́), спаянасць (спаяны́). Ср. русск. вальцы́, прозорливец, лыж-
ня́, молодость, спаянность; укр. вальці́, прозорливець, лижня́, моло-
дість, спаяність и т.д. Отдельно в этой группе стоит существитель-
ное знахарь. В нем, наоборот, русский и украинский языки сохрани-
ли место ударения производящей глагольной основы, а белорусский
перенес ударение на суффикс -ар в результате собственно белорус-
ских аналогий: жыхар, пляткар, махляр и под.

Наблюдения над ударением в заимствованных словах показывают,
что в тех случаях, когда они в белорусском языке отличаются место
ударения от русских и украинских вариантов, в них сохраняется
место ударения языка - источника. Ср. белор. арышт, лубин, лопух;
русск. арест, люпин, лопух (в укр. по ударению, как в русск.) и
польск. areszt, lubin, łopusz.

Существительные с подвижным ударением в анализируемой группе
лексики в каждом восточнославянском языке проявляют эту подвиж-
ность не в одинаковой степени, различаясь местом сдвига ударения
в парадигме каждого языка. В слове о́кунь, например, в русском
языке ударение переходит с первого слога на третий, начиная с
Р.п.мн.ч. (класс "с" по В.А.Редькину), в украинском противопоста-
вляется ударение единственного числа - на первом слоге - ударению
множественного - на втором. А в белорусском ударение переносится
со второго слова (в И.п.ед.ч.) на третий - на флексию - начиная
с Р.п.ед.ч. (класс "в" по В.А.Редькину). В целом во всей группе
прослеживается более последовательная тенденция белорусских ва-
риантов к наименьшей акцентной подвижности.

Сравнение с параллелями других славянских языков (сербо-хор-
ватского, в частности) показывает, что расхождение в ударении в
белорусских и русских - украинских вариантах очень давнее, причем
древнейший тип ударения в этой группе общевосточнославянской лек-
сики сохранился в белорусском языке. Об этом же пишет и З.М.Веселовская:
"Сравнительно с украинским, белорусский язык в ряде
случаев сохранил архаичное ударение не только в диалектах, но и
в литературном языке. Так, в "Лексиконе" П.Бернды употребляется
не характерное для украинского языка ударение на суффиксе -ость
в словах молодости, дорого́сть"¹. Но именно с таким ударением
употребляются подобные слова в современном белорусском литератур-

¹ Лінгвісцічны збірнік. Мін, 1958, стр.155.

ном языке.

Очень давнее и расхождение по месту ударения общевосточнославянских существительных вѣха, царква (белор.) и вѣха, цѣрковь (русс.), віха, цѣрква (укр.). Древность этого различия подтверждается и современной территориальной разбросанностью двух этих типов ударения в современных восточнославянских говорах. Причем В.Долупчев склонен даже признать вариант вѣха литературной русской нормой своего времени¹.

Наоборот, ударение на первом слоге в существительном мезенец в белорусском языке следует считать вторичным по отношению к русскому мизинец и украинскому мізинець, хотя в белорусских говорах этот вариант ударения был широко распространен и в XIX в. Ср. к этому болг. мизинец, сербо-хорв. мјезинац.

Ударение в белорусских существительных типа долата отличается от всех известных славянских параллелей. В белорусском варианте ударение на первом слоге, так же как и в других существительных с -оло- (волат, холод, что соответствует и русскому, и украинскому). В.М.Иллич-Свитыч в подобных случаях совершенно справедливо предполагает возможность сохранения здесь древнего акцентного варианта типа * toit ².

Р а з д е л 4. Существительные с общим в И.п.ед.ч. местом ударения в белорусском и украинском языках и отличающимся в русском.

Акцентуационное белорусско-украинское единство данной группы существительных (основу которой составляет исконно славянская лексика) объясняется прежде всего причинами историческими. Л.А.Булаховский отмечает, что некоторые существенные черты современного украинского ударения отражены уже в XVI веке³. То же можно сказать и в отношении белорусского языка, который долгое время гораздо ближе соприкасался с украинским, чем с русским. В результате этого в обоих языках иногда развивались тождествен-

¹ Долупчев В. Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи. Изд.2. Варшава, 1909.

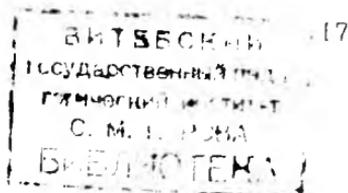
² Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, стр.89.

³ См.: Питання походження української мови. Київ, 1956, стр.215.

ные процессы становления акцентных систем. Так, ударение в И.п. ед.ч. украинских существительных верба, вільха, дошка, кишка, кремiнь, кропива, решето соответствуют акцентуационно тождественные белорусские варианты вярба, вольха, дошка, кiшка, крэмiнь, крапiва, рэшета (в русск. верба, ольха, доска, кишка, кремeнь, крапива, решето). Причем анализируемые существительные мужского и женского рода с ударением в И.п.ед.ч. на втором слоге в трех языках (русск. доска, жена, ольха, ноздря, нарост; белор. дачка, вярба, пятля; укр. дочка, верба, петля) акцентуационно тождественны соответствующим южнославянским вариантам (ср. болгарск. дъска, жена, елха, наръстък, но ноздра). А существительные с ударением на первом слоге в И.п.ед.ч. (русск. дочка, верба, петля; белор. дошка, вольха, ноздра, щипцы, коклюш; в укр. как в белор.) в большинстве случаев имеют исторически общее место ударения с западнославянскими лексическими соответствиями: wierzba pięta, parost, znokurce. Эти сравнения говорят о том, что некоторые из приведенных здесь и подобных примеров (дошка, вольха, в частности) в белорусском и украинском литературных языках закрепились более поздний, в сравнении с русским, вариант ударения.

Сопоставление с акцентными схемами XIX в., а также с современными диалектными вариантами ударения в существительных нарост, коклюш, равнин, щипцы, которые в большинстве случаев совпадают с современными восточнославянскими литературными, позволяют судить об устойчивости акцентуации названных существительных в русском, белорусском и украинском языках на протяжении последних 100 лет. А это значит, что акцентные расхождения в них произошли значительно раньше. Так же стар, вероятно, в белорусском языке и вариант ударения на первом слоге в существительном приятель (укр. приятель, русск. приятель). Ср. болг. приятел, сербо-хорв. пријател, польск. przyjaciel. Тождественно и в существительном потемки (укр. потемки, русск. потёмки). Но такой тип ударения не характерен белорусскому литературному языку и встречается, кроме названных существительных, еще в нескольких наречиях: пораз, поруч, потаикам и под.

В современной лингвистической литературе нет устоявшейся точки зрения на возможный исходный вариант ударения в существительных древних консонантных основ. В.В.Колесов, приводя различные варианты решения этой проблемы, совершенно справедливо, как

нам кажется, считает, что существительное имя, как и время, племя, могло относиться к подвижной акцентной парадигме с чередованием ударения между первым и последним слогами слова¹. В современном русском литературном языке в И.п.ед.ч. в анализируемом слове ударение на первом слоге, в белорусском и украинском - на втором. Такое различие русского и украинского типов ударения И.И.Огиенко встречал уже в изданиях 17 века². Ни один из известных нам акцентуированных памятников письменности, а также современные восточнославянские языки и диалекты в существительном имя (укр. Ім'я, белор. Імя) полной неподвижности ударения не выявляют. Наиболее отчетливо наблюдается тенденция к такой неподвижности в белорусском языке. Украинскому в данном случае характерна акцентуационная вариантность: И. Ім'я, Р. Імені и Ім'я, Т. Іменем и Ім'ям и т.д. В русском языке словоформы единственного числа противопоставлены по ударению словоформам множественного.

В целом необходимо отметить, что во всей группе анализируемой общевосточнославянской лексики подвижную акцентную схему в белорусском языке имеют существительные, в которых в И.п.ед.ч. под ударением второй слог (абру́ч, -а; вярба́ - ве́рбы). В русском и украинском языках акцентуационная подвижность наблюдается в словах с ударением как на втором слоге в И.п.ед.ч. (66,5%): до́ска - И.мн. до́ски, так и на первом (33,6%): обруч - Р.мн. обру́чей, но по отношению к разным словам в каждом языке.

Р а з д е л 5. Существительные, общие для двух современных восточнославянских литературных языков.

Изучение особенностей ударения названной группы существительных позволяет более полно судить о закономерностях акцентуационных различий некоторых общевосточнославянских групп лексики, а во многих случаях и о давности таких различий. Так, например, префиксальные существительные, общие для русского и украинского языков и отсутствующие в современном литературном белорусском подтверждают отмеченную ранее особенность приставок роз-, пере-, за- влиять на место ударения в украинских существительных, придавая ей, тем самым, значение всеобщего правила: в двух- и трех-

¹ См.: Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972, стр. 200.

² См.: Записки наукового товариства Ім.Шевченка, т.І36-І37. Львів, 1925, стр.203, 213-216.

сложных словах с этими приставками ударение, в отличие от русских соответствий, передвигается на первый слог слова, а в многосложных - на один слог влево: рози́в (русск. распе́в), как рози́в, рози́л; запи́рка (русск. запорка), как закла́дка, закри́пка; переобмі́р (русск. переобмер), как переро́дженець и т.д. То же и в некоторых сложных словах: гори́цивіт, гори́хвістка (русск. горицвет, гори́хвостка). Однако, в отличие от предыдущих групп слов (общих для трех современных литературных языков), ударение в последних украинских вариантах передвигается на один слог влево, а не вправо, как это наблюдалось в существительных ко́нов'язь, руко́пис, літо́пис (русск. ко́новязь, ле́топись, ру́копись).

Наибольшую группу лексики, общей для двух восточнославянских языков, но различающихся в них по месту ударения в И.п.ед.ч. составляют существительные белорусского и украинского языков. В современном русском литературном языке они не употребляются, но многие из них часто встречались или встречаются в русских народных говорах. В "Толковом словаре" Вл.даля, например, приведены не свойственные для современного русского литературного языка существительные запа́л (в знач. "задор"), зама́х, разгла́д, раскла́д, которые семантически и акцентуационно соответствуют современным белорусским литературным вариантам. В украинском эти и подобные слова полностью подчинены закономерностям ударения приставочных существительных: запа́л, запа́лк, рози́в, рози́л, рози́в, рози́л, нахі́л, поді́л, підлі́ток...

В анализируемой группе встречаем не характерное для белорусского литературного языка ударение на первом слоге в существительном хаба́р (укр. хаоар. Ср. у Вл.даля - хаба́р. Так же и в указанном словаре В.Долопчева). Как известно, существительные на -ар в белорусском литературном языке имеют в И.п.ед.ч. ударение на втором слоге: знаха́р, стала́р, цяха́р, где -ар - отчетливый суффикс. А существительное хаба́р с точки зрения современного белорусского языка непроизводно. В украинском языке анализируемое существительное не является исключением из общего правила акцентуации всех слов на -ар.

Существительные женского рода в этом разряде лексики составляют несколько меньшую группу. Из двухсложных непроизводных выделяются лексемы туга́ и ча́рга в белорусском и ту́га, че́рга в украинском. (Ср. в русском глагол ту́жить и у Вл.даля: ту́га и ту́га с по-

мет. ж., зап.). В сербо-хорв. штокавских говорах встречаем ту́га, в чакавских - туга́. Новым, вероятно, в этом слове следует считать ударение на первом слоге. Белорусский язык, таким образом, в некоторых случаях в связи с особыми условиями своего развития сохранил такие архаические черты в области ударения, которые в других славянских языках уже почти не встречаются.

В парадигме названные существительные в белорусском и украинском языках подчинены закономерностям ударения подобных слов женского рода типа скала́, спина́ (укр. скеля́, спина́): в белорусском подвижная, в украинском неподвижная акцентные схемы.

Иногда различия в ударении в современных белорусском и украинском языках объясняются закреплением в каждом языке различных старых диалектных форм. Например: белор. ко́наўка, укр. коно́вка. У Вл. Даля читаем: "Ко́новка, ... коно́вь - деревянная обручная кружка" (т. II). В современном украинском языке закрепился (с прибавлением суффикса -к-) второй вариант, в белорусском - первый. (Ср. также две равноценные польские формы ко́пеш , копéшка).

Трехсложные приставочные существительные женского рода в белорусском литературном языке во всех случаях сохраняют место ударения соответствующих производящих глагольных основ: даве́дка (даведа́цца), зацёрка (заце́рці). В украинском языке в подобных словах ударение по общему правилу передвинуто на приставку: до́відка; за́тёрка, у́стёрка. По аналогии с названными, такой же процесс произошёл и в украинском существительном по́зика (белор. пазы́ка), где по- в настоящее время потеряло значение приставки.

В целом, анализируемые в данном разделе существительные, кроме указанных исключений, не выявляют каких-либо особых схем ударения, а подчинены общим закономерностям акцентуации подобных групп слов в каждом языке.

Р а з д е л 6. Существительные с генетически тождественными структурами и образованием от общих корней.

Анализ акцентуации общевосточнославянских существительных с тождественными в трех языках структурами не дает полной картины системы ударения восточнославянских существительных, свойственных русскому, белорусскому и украинскому языкам во всем морфологическом объеме слова или в основной его части. За пределами изучения оказывается большая группа слов, распространенных во всех восточ-

нославянских языках и близких к термину "общевосточнославянская лексика". Это, в первую очередь, слова, имеющие генетически тождественные структуры, в которых в результате фонетических исторических изменений эта тождественность нарушена; и слова, образованные от одних и тех же корней с помощью разных аффиксов в разных языках (при наличии общей закономерности использования определенных аффиксов для образования новых существительных от общих основ в каждом языке)¹.

Первый параграф 6-го раздела посвящен описанию ударения в наиболее значительной и продуктивной группе общевосточнославянских существительных с нетождественными структурами - в отглагольных существительных с -j-основами в русском языке и удлиненным согласным в белорусском и украинском. С точки зрения структуры эта группа неоднородна. Здесь есть слова, различающиеся в трех языках только в заударной части (в суффиксе), и слова, имеющие, кроме этого, морфологические различия в преударных морфемах (приставках). Ср. русск. решение, сплетение, дополнение, молочение, осушение; белор. рашэнне, спліценне, дапаўненне, малачэнне, асушэнне; укр. решення, сплетення, доповнення, осушення и русск. ранение, наращение, исключение, упрощение; белор. раненне, парушэнне, крупненне, запусценне; укр. поранення, порушення, скривлення, спрощення. Таким образом, взгляд может показаться, что в обеих приведенных группах слов должны быть разные акцентные схемы. Но при более детальном изучении оказывается, что и в первом, и во втором случаях ударение фактически совпадает, т.е. падает на один и тот же слог одной и той же морфемы: в русском и белорусском - на первый гласный суффикса, в украинском - на последний гласный корня (иногда редкие существительные типа русск. усиновление, укр. усиновлення).

Несколько иное соотношение акцентных схем наблюдаем в группе слов, в которых русским вариантам с -j-основами и белорусским с удлиненным согласным соответствуют украинские бессуффиксные лексемы: русск. нападение, проявление, растяжение; белор. нападзенне, праўленне, расцяжэнне; укр. напад, прояв, розтяг. Как видно, в данном случае в украинских вариантах место ударения, в сравнении

¹ Несмотря на некоторую условность здесь основного термина, мы и данную категорию лексики называем общевосточнославянской, что точнее, чем понятие "однокоренные слова" отражает предмет исследования.

с русским и белорусским, передвигается на два слога влево и всегда напрефиксальное.

Для всех перечисленных случаев в трех языках наблюдаем неподвижное постоянное ударение и, таким образом, в русском языке имеем один основной тип ударения — на первом гласном суффикса. То же — с немногочисленными исключениями, связанными с морфологическими различиями слов (ср. русск. название, намерение и белор. назва, намер) — в белорусском языке. В украинском языке — в зависимости от морфологической структуры — две схемы ударения: а) в существительных с удлинённым согласным в суффиксе ударение сдвинуто влево на один слог, в сравнении с русским и белорусским; в бессуффиксных украинских вариантах ударение на приставке.

Небольшой группе существительных с несуффиксальным ударением в русском языке соответствуют белорусские и украинские варианты с конечным ударением: русск. закрытие, отплытие, прибытие; белор. закрыццё, адплыццё, прыбыццё; укр. закриття, відплиття, прибуття и под. И.А.Булаховский русские суффиксальные формы типа закрытие считает книжными словами, образованными по типу церковнославянизмов (как житие). Вероятно, поэтому в современных русских говорах такие формы не часты, а в белорусских и украинских не встречаются вообще.

Необходимо отметить также, что в изучаемой группе отглагольных существительных нет слов, совпадающих по месту ударения в русском и украинском языках и отличающихся в белорусском, что является свидетельством самостоятельности и устойчивости акцентуации данного класса слов в русском и украинском языках и незаконченности его формирования в белорусском.

Во втором параграфе 6-го раздела анализируется ударение в восточнославянских существительных с несистематическими морфологическими расхождениями. Сюда отнесены такие существительные, как русск. мель, печенье, тельник, вишеник, женщина, лезвие, леность, лопотун, словарь, стебель; белор. мель, пячэнне, нацельнік, вішняк, жанчына, лязо, лянота, лопачень, слоўнік, сцябло; укр. млина, печиво, тільник, вишник, жінка, лезо, лінощі, лопотун, словник, стебло и мн. др. Анализом акцентуации данной группы слов предполагалось установить степень зависимости места ударения в слове от различных словообразовательных элементов в каждом языке. Наблюдения показали, что в большинстве случаев существительные,

образованные в русском, белорусском и украинском языках с помощью одних и тех же суффиксов от общих корней, часто по месту ударения совпадают, а различие в словообразовании иногда ведет к различию в акцентовке. Причем ударение на первом слоге в И.п. ед.ч. в последней группе слов обычно свидетельствует о неподвижной акцентной схеме, а ударение на последнем слоге в начальной форме слова предполагает подвижное ударение в каждом языке.

х х
х

Таким образом, на фоне общевосточнославянской акцентуационной общности существительные, различающиеся по месту ударения во всех или отдельных словоформах современных русского, белорусского и украинского литературных языков, составляют значительную группу лексики. Причем необходимо отметить, что в современных литературных вариантах существительные, которые бы имели разное место ударения в И.п.ед.ч. в трех языках почти не встречается. Обычно лексема совпадает по месту ударения в каких-либо двух языках и отличается в третьем. В свое время это дало возможность Л.А.Булаховскому сказать, что в восточнославянских языках мы имеем противопоставление лишь русских и украинских акцентных фактов, "белорусские в одних чертах совпадают с первыми, в других — со вторыми, при относительно небольшом количестве индивидуальных"¹. Как показывают исследования, это предположение не совсем точно. Так, по отношению ко всей группе общевосточнославянских существительных, различающихся по месту ударения (разделы 2-5), примеры русского, белорусского и украинского языков, при недифференцированном подходе к их отбору, составляют соответственно 24,4%, 31%, 44,6%². Как видно, большее количество примеров приходится на белорусский и украинский языки. Такое положение легко объясняется особыми условиями исторического развития этих языков в целом и их акцентных систем в частности.

Наиболее унифицированной является акцентная система языка, обладающего наименьшей подвижностью ударения. Акцентуационной под-

¹ Булаховский Л.А. Восточнославянские языки как источник для реконструкции общеславянской акцентологической системы. — "Известия АН СССР, ОЛЯ", 1946, т.5, вып.6.

² Эта разница выявляется в основном за счет групп слов, общих для каких-либо двух современных восточнославянских языков и отсутствующих в третьем.

вижностью характеризуются все восточнославянские языки. Но каждому из них в отдельности она присуща не в одинаковой степени. Так, о подвижности ударения в анализируемых группах общевосточнославянских существительных, как совпадающих, так и различающихся по месту ударения в И.п.ед.ч., можно судить по следующей таблице (существительные с неподвижным ударением в % к общему числу слов)¹:

Таблица I.

	<u>Белор.</u>	<u>Русск.</u>	<u>Укр.</u>
I группа	86,6	85,5	84,4
2 группа	91,4	92,5	86,6
3 группа	79,4	70,5	70,5
4 группа	88,6	77,3	79,3
В среднем	86,5	81,45	80,2

Наблюдения показывают, что подвижность или, наоборот, неподвижность ударения в слове прямо не связана с тем, производно оно или непроизводно. В целом среди слов с подвижным ударением наблюдается приблизительно одинаковое количество производных и непроизводных (но иногда лишь с точки зрения современного состояния языка). То же можно сказать и по отношению к категории рода анализируемых существительных. Правда, здесь следует отметить, что среди существительных мужского рода с подвижным ударением иногда — не на много — преобладают производные суффиксальные, а среди подвижных женского рода — непроизводные двухсложные на -а. И в том, и в другом случае акцентуационная подвижность наблюдается в основном в словах с ударением не на первом слоге в И. п.ед.ч. Причём, чем большее количество слогов в слове, тем меньше вероятность подвижности в нём ударения.² В целом о зависимости места ударения от количества слогов в слове в основных группах исследованных общевосточнославянских существительных можно судить по данным таблицы 2. В существительных, разных по количеству слогов, ударение в каждом языке распределяется так, как показано в таблице 3 (в % к общему числу одинаковых по количеству слогов слов).

¹ Здесь мы приводим данные только по первым четырём основным группам, соответствующим I — 4 разделам работы.

² В результате подробных статистических исследований к аналогичному выводу пришёл проф. Софийского у-та /НРЕ/ Н.М. Дилевский, о чём он сообщил нам в сентябре 1973 г.

Таблица 2.
(В скобках - из них слов с подвижным ударением).

	<u>Русск.</u>	<u>Белор.</u>	<u>Укр.</u>
Ударение падает:			
на 1-й слог	51 /7/	67 /2/	93 /14/
на 2-й слог	118 /17/	116 /20/	95 /16/
на 3-й слог	46 /11/	40 /7/	39 /10/
на 4-й слог	21	13	9

Таблица 3.

	Русск.		Белор.		Укр.	
	1-й, 2-й, 3-й, 4-й слоги с начала слова					
В 2-х сложн.	26,4	74,6	34,2	65,8	56	44
В 3-х сложн.	20	41	39	31,8	37,7	30,6
В много- сложн.	0	20	59	15	0	40,6
					50	9,4
					0	44
						50
						6

Из таблиц видно, что большая часть существительных в трёх языках имеет ударение на втором слоге в И.п.ед.ч., причём именно в этой категории слов наблюдается и большая подвижность ударения во всех восточнославянских языках. В целом при обобщении акцентных схем анализируемых существительных оказывается, что всем восточнославянским языкам акцентная подвижность или неподвижность присущи приблизительно в одинаковой степени, но часто по отношению к разным группам слов.

Если при определении подвижности ударения существительных в одном из восточнославянских языков обычно неважно, производны анализируемые примеры или нет^I, то при определении места ударения и акцентуационных различий в общевосточнославянских существительных в каждом языке этот показатель надо учитывать как один из основных. В частности, при анализе различных групп общевосточнославянской лексики выявлены следующие закономерности ударения одних и

^I Как мы уже указывали, влияние производности на неподвижность ударения отчётливо заметно лишь в отглагольных существительных.

тех же лексем в разных языках:

1. Ударение совпадает в И.п.ед.ч. в трех языках в группе слов, сравнительно недавно появившихся в восточнославянских языках. Меньше всего здесь существительных общеславянского происхождения и производных.

2. Основной особенностью украинских существительных, отличающихся по месту ударения в И.п.ед.ч. от русских и белорусских, является то, что 53% из них - приставочные с ударением, "сдвинутым" (в сравнении с русским и белорусским) на один слог к началу слова. Такое сдвижение наблюдается здесь и в некоторых бесприставочных общеславянских существительных мужского (оде́нь) и женского (спі́на) рода, а также во всех отглагольных существительных типа заверше́ния, усинове́ния и под. при русском заверше́ние, усинове́ние. Здесь прослеживается интересная параллель. Известно, что в сербском языке в определенных условиях произошло передвижение ударения на предыдущий слог. В этих случаях сербские (штокавские) и русские варианты стали по месту ударения на один слог различаться. Такое же положение (правда, не настолько последовательное) мы наблюдаем и в анализируемых существительных русского и украинского языков. Эта параллель, вероятно, может служить подтверждением различного развития былых подударных интонаций не только в русском и сербском, но и внутри восточнославянских языков.

3. Существительные белорусского языка при значительном количестве примеров отличия места ударения в И.п.ед.ч. от русских и украинских вариантов заметной зависимости ударения от словообразования не имеют. Как префиксальные, так и беспрефиксные существительные в основном акцентируют корень. Суффиксальные существительные преимущественно сохраняют место ударения образующей основы. Суффикс -ар- всегда под ударением, суффикс -н-ік- наоборот, обычно безударен. В существительных общеславянского происхождения белорусский язык чаще русского и украинского сохраняет древнее место ударения.

Наши исследования показывают также, что иногда неправомерно преувеличивается влияние польской акцентной системы на белорусскую. Как известно, польский язык характеризуется постоянным подвижным ударением, а 86,5% анализируемых белорусских существительных обладают акцентуационной неподвижностью. На наш взгляд, нельзя предполагать установление такой неподвижности под влиянием подвижной ак-

центной системы.

Современная белорусская акцентная система сложилась на основе значительного количества диалектных вариантов ударения, разбросанных на сравнительно небольшой территории. В процессе работы нам удалось заметить, что статистические исследования этих вариантов могут привести к некоторым изменениям в понимании литературной нормы белорусского ударения. Это предположение в полной мере справедливо и при определении современной русской литературной акцентной системы по ее отношению к местным разговорным вариантам ударения.

4. Значительна группа слов с общим в И.п.ед.ч. местом ударения в белорусском и украинском языках и отличающимся в русском. Это объясняется причинами исторического характера. Белорусский и украинский языки долгое время развивались в относительной изоляции от русского, в большей степени соприкасаясь между собой. В результате этого в белорусском и украинском языках при становлении акцентных систем происходили тождественные процессы, а иногда ощущается и прямое влияние украинского языка на белорусский (прояцель, поцёмк!). В словообразовательном отношении эта группа существительных сравнительно узка. Основу здесь составляют двухсложные непроизводные существительные мужского и женского рода, различия по месту ударения в которых можно объяснить или разным развитием древних акцентных вариантов (русск. кремѣнь - белор. камянь - укр. кремінь), или, реже, аналогиями польского языка (белор., укр. коклюш - русск. коклюш - польск. koklusz, франц. coqueluche). В производных русских существительных, в противоположность украинскому языку, на приставку ударение не переносится. В белорусских вариантах такой перенос иногда наблюдается - преимущественно в существительных женского рода.

Безусловно, различия в ударении общевосточнославянских существительных в современных литературных русском, белорусском и украинском языках нельзя объяснить какой-либо одной универсальной причиной. Каждая из проанализированных групп различающейся ударением лексики имеет специфические черты, определяющие эти различия: происхождение слова, образование, распространенность, сфера бытования, соседство родственных языков, существование подобного слова в других славянских языках, его структура, фонетический состав и другие особенности, которые далеко в неодинаковой степени

присущи каждой группе слов в русском, белорусском и украинском языках.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Акцентуация одной из групп агульнаўсходнеславянскіх назоўнікаў. - "Весці АН БССР, серія грамадскіх навук", 1973 г., № 5.

2. Літаратурная норма і дыялектыя варыянты націску назоўнікаў. - Вывучэнне беларускай мовы ў педагагічных Інстытутах БССР. Матэрыялы Рэспубліканскага навукова-метадычнага семінара. Мінск, 1973.

3. К вопросу об акцентуации некоторых существительных старых консонантных основ в восточнославянских языках. - Тыпалогія і узаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Тэзісы дакладаў і паведамленняў II Рэспубліканскай канферэнцыі. Мінск, 1973.

4. Основные принципы сопоставительного изучения акцентуации восточнославянских языков. - Филология. Сборник научных трудов преподавателей Минского пединститута им. А.М. Горького. Минск, 1974.

Подписано в печать 5.IV.74г. Объем 1,75 п.л. Тир. 120 экз.

Отпечатано на ротапринтере ЕФ ВПЦНТЭ, г.Минск.